

1

Она сидела так уже давно. Несколько часов — или дней, или лет. Она не знала этого. Солнечный свет, пробивающийся сквозь плотно сдвинутые шторы темно-зеленого бархата, падает на полосу паркета. А комната тонет в полумраке, и женщина, сидящая в кресле, сливается с этим полумраком. Она стала частью интерьера, эта бледная светловолосая женщина, одетая в черное платье, сшитое у хорошего портного. Платье верой и правдой послужило ей, но данное обстоятельство уже не имеет никакого значения. Ничто больше не имеет значения. Она сидит в кресле и является частью тишины, царящей в доме. В ее глазах застыли отчаяние и пустота.

Где-то в доме тикают часы. Этот красивый двухэтажный особняк построен совсем недавно. В нем жили счастливые люди — когда-то. Несколько дней назад. Или недель. Или лет. Неважно. Потому что теперь это мертвый дом. Он тихо погружается в тишину и пыль, и только неуго-

монные часы еще не поняли, что время здесь теперь остановилось. Зачем время мертвому дому? И зачем время — мертвой женщине...

«Почему такое случилось со мной? С нами? — Эти мысли тяжелыми булыжниками ворочаются у нее в голове. — Почему столько всего на нас... Нет. Этого не может быть. Это мне снится. Я сама себе снюсь. Я умерла. Это хорошо, наверное. Я умерла».

Дом мертв. И женщина, сидящая в кресле, тоже мертва. Ее душа мертва. Ее похоронили недавно — вместе с маленькой девочкой, которую звали Анной. Аннушкой. Анютой. Кресло, стоящее в темной комнате, стало удобным местелищем того, что когда-то было веселой молодой женщиной по имени Дана. Теперь ее больше нет. Как нет ее дочери, Анны. И ее свекрови. И ее мужа. Осталась только пыльная тишина в большом, никому не нужном доме, построенном для счастливых людей.

Где-то там, далеко, кипит жизнь. Ходят люди, обдумывая какие-то свои дела. Все так же ярко светит солнце, потому что тепло, время радоваться жизни, гудит разноцветный поток машин. Одна такая отняла жизнь маленькой девочки и ее бабушки. И теперь то, что недавно было красавицей Даной, покоится в глубоком кресле в мертвом доме.

«Я умерла, умерла... Люди забрали ее, унесли и зарыли. Господи, как я могла позволить им сделать это? Ей там холодно и страшно одной. Они взяли и унесли ее, а я им это позволила. Я умерла. Но почему так больно? И почему трудно дышать? Мне не надо дышать...»

Ей надо переодеться, потому что черное платье она надевала на похороны, но она не хочет двигаться. Словно в тумане, вспоминаются ей последние несколько дней: какие-то люди в доме, цветы, запах теплого воска, кошмарные звуки траурного марша... Немыслимо. Этого просто не может быть. Растоптанные цветы на асфальте и сдавленные рыдания. Все закончилось. Теперь уже ничто не имеет значения. И запах свежей земли. И какие-то лица, лица... Этот день остановился на точке боли. Господи, ну кто это так кричит? Какая теперь разница? Два гроба уходят под землю. В одном из них — ее Анечка. Аннушка. Ее дитя. В другом — Лидия Петровна, мать ее покойного мужа. Черт подери, не многовато ли для одного? Порция для взрослых.

Дана сидит, сжавшись в комок. Собственно, прошло уже два дня. Уехали родители, забрав с собой ее младшего, Леку, за что она им несказанно благодарна. Она мечтала остаться одна. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы все убрались и оставили ее наедине с тишиной. Как ни странно, это случилось. Наверное, одиночество облегчило ей жизнь. Или смерть. В ее случае это одно и то же.

Ее руки бессильно лежат на подлокотниках кресла, голова запрокинута, лицо, не отличавшееся румянцем и в лучшие времена, стало совсем бескровным, а глаза... Это глаза манекена — пустые, ничего не выражающие. Жизнь ушла из них. Где-то в доме звонит телефон, звонит постоянно и настойчиво, но пустой взгляд серо-

голубых глаз не меняется, уютное кресло стало коконом для безжизненного тела.

«Только бы никто не пришел...» Эта мысль иногда прорывается сквозь звон пустоты в ее голове. Она вспоминает Кошку. Она всегда помнила о ней. Но теперь золотистые луны Кошкиных глаз следят за ней из ее полусна. Это была странная кошка. Она появилась в доме ее родителей, вполне взрослая и самостоятельная, серая и независимая. Она просто пришла к ним на веранду однажды утром и требовательным мяуканьем напомнила всем о том, кто является венцом творения. Люди засуетились, подыскивая для нее достойное блюдо. Люди должны знать свое место.

Это была странная кошка. Никому и в голову не пришло назвать ее Муркой или еще как-то. Ее стали называть Кошка — просто и ясно. А она снисходительно позволяла всем заботиться о своей пушистой персоне. Тогда было счастливое время для семьи. Дела шли на лад, девочка росла в достатке, и Кошка пришлась весьма кстати. Дана всегда любила кошек. Впрочем, это естественно.

Да, Кошка странная. Она всегда сама по себе. Не то чтобы она оказалась неблагоприятной или злой, но она не позволяла никаких проявлений фамильярности по отношению к себе. Иногда она исчезала на несколько дней, и дом без нее что-то терял. Но потом она снова появлялась, садилась на подоконник или ложилась в кресло, стоящее в комнате Даны, и все становилось на свои места. Так длилось несколько лет.

А потом как-то раз случилась гроза. Ветер немного поиграл с открытым окном. И Кошку

подвела реакция — она не смогла увернуться от острого осколка. Все пребывали в священном ужасе, Дана плакала, а в золотистых глазах Кошки мелькнули боль и недоумение.

Стекло вынули, рану врачевал лучший ветеринар, но это не помогло. Кошка уползла в сад, где устроилась под скамейкой в летнем домике. Она подпускала к себе только Дану, которая носила ей молоко. А когда рана затянулась, Кошка исчезла. Она пришла откуда-то из пространства и ушла в никуда. Впрочем, это объяснимо. Умей она писать, возможно, оставила бы записку, но Кошка не умела писать. Она просто ушла.

С тех пор золотистые глаза ее иногда наблюдали за Даной, которая понимала, что у них с Кошкой много общего. Например, вот это: заползти подальше и в одиночестве переждать боль. И Дана понимала теперь почему. Не надо им ничьей жалости. Если она показная, то оскорбляет, если искренняя, то наваливается чувством вины и ответственности, что из-за твоей беды человеку стало плохо. Дана всегда была сама по себе. И в этом они с Кошкой походили друг на друга. Они были странными обе. Всегда, с самого рождения.

Телефон надрывается, и Дана понимает, что надо снять трубку, иначе кто-нибудь из обеспокоенных родственников обязательно ворвется в ее одиночество и сделает мир совсем невыносимым местом — даже для мертвой. Надо снять трубку. Но для этого придется сделать над собой усилие. Если бы те, кто звонит, знали, какое это усилие,

они бы в ужасе бросили трубку и не названивали больше. Но они не знают. Бог им судья.

— Дана, ты в порядке?

— Да, мама.

— Немедленно приезжай домой, слышишь?

— Что-то случилось?

— Ты еще спрашиваешь! Мало нам горя, еще и за тебя приходится переживать!

— Лека в порядке?

— Да, приезжай немедленно, я...

— Я хочу побыть одна.

— Тогда я к тебе приеду!

— Не надо, я очень тебя прошу.

— Дана, я хочу...

— Я тоже иногда кое-чего хочу, мама. Я хочу побыть одна, ладно? Пожалуйста, дайте мне прийти в себя.

Она кладет трубку на рычаг и возвращается в кресло. Этот разговор отнял у нее те жизненные силы, что еще оставались. Теперь она полностью опустошена. Ее голова снова откидывается на спинку кресла. Сидеть здесь, вот так сидеть и ни о чем не думать... Ни о том, что случилось с Аннушкой, ни о том, что теперь все рухнуло, ни о том, что...

«Они так любят меня, что не оставят в покое, — думала Дана о родителях. — Они не понимают, что своим участием делают только хуже. Я не хочу видеть их горе, мне хватает своего. Но они другие, они этого не поймут, никогда не поймут. Я знаю».

Они переживают горе сообща, поддерживая друг друга. Так было всегда. И они не понимают,

что их дочь может чувствовать иначе. Это случается иногда: у вполне нормальных родителей появляется на свет странное потомство. Таких детей любят больше прочих, родители понимают, что их чадо отличается от других детей, что оно слишком уязвимо, но иногда желание защитить или оградить может навредить.

По дому разносится трель звонка. Сколько раз ей говорили, что этот звон не соответствует облику дома, что больше подошел бы звонок, имитирующий удары колокола или гонга, но ей всегда нравилась дурацкая птичья трель, и теперь она бьет по нервам, разливаясь в пустоте. Кто-то стоит у двери. «Надо открыть. Но я никого не хочу видеть. Никого. Я умерла. Это так легко — умереть. Аннушка, моя девочка, моя малышка, зачем я позволила им забрать ее? Она там совсем одна, ей холодно, я плохая мать».

Звонок никак не уймется. Она поднимает голову, вырвавшись из забытья. Золотистые глаза Кошки настороженно смотрят из ее зрачков. Кто-то упорно пытается добиться аудиенции. Кого это принесло? Кто бы это ни был, пусть катится к черту.

— Госпожа Ярош?

Звон в голове не умолкает. Высокий мужчина в сером костюме что-то говорит. Что? Что ему надо?

— Мы можем войти?

Мы? Ах да, рядом с ним женщина в синем платье. Она их обоих уже видела, но где? Какая разница? Визитеры входят в дом, а она идет к своему креслу. Там спасение. Пусть делают что хотят,

пусть говорят что хотят, все равно, только бы поскорее убрались.

— Дана, вы помните меня? Я — полковник Панченко, мы с вами уже встречались, примите мои соболезнования, это страшная трагедия, мне очень жаль. Я... Что с вами?

Ничего. С ней ничего. Что может случиться с покойницей? Она смотрит на полковника, и он ежится под этим взглядом. Да, трупов он навидался.

— Дана, вы понимаете, что мы говорим?

Женщина в синем платье — смуглая и неприятная.

— Госпожа Ярош, вы понимаете, что происходит? Какой сегодня день?

«Господи, почему они не уходят? Ну пусть они уйдут, исчезнут, испарятся. Или они мне привиделись? Или я попала в ад, и теперь они явились мучить меня?» — мысли гудят где-то глубоко и невнятно.

— Вызывайте «Скорую», Дарья Андреевна. Мне кажется, она рехнулась.

«Идиот! Я рехнулась! Надо же такое придумать. Просто молчать — не больно. Моя малышка, моя девочка, совсем одна — там...»

— Нет. Вы сами понимаете, что это нежелательно. Нам надо попробовать своими силами привести ее в чувство. Я должна принести подписанные документы, и вы это знаете не хуже меня.

«Документы? Какие еще документы? Уходите. Все уходите. Я должна позаботиться о своей девочке...»

— Вы что, ослепли? Да вы посмотрите на нее! Боже, да она, похоже, все время так тут сидит —

в этом платье она была на похоронах, я его отлично помню.

«Где мне еще сидеть, это же мой дом?»

— Вот именно в таком состоянии она все подпишет. А если в нее сейчас вцепятся врачи, это будет лишняя огласка, один бог знает, что она способна наговорить, да и вообще все может сорваться, а тогда и моя, и ваша карьера пойдут псу под хвост. ОН нам не простит. Вы готовы к этому? Вот и я не готова. Я принесу что-нибудь, надеюсь, удастся привести ее в чувство.

Дана их почти не слышит. Она умеет вот так не слышать. Она отгородилась от них стеной и утонула в себе. Ей хочется только одного: чтобы они поскорее ушли.

— Вот, кофе. Да держите же ей голову! Может, лучше водка или коньяк, как вы думаете?

— Дарья Андреевна, вы видите где-нибудь бар? Она жила здесь с детьми, к тому же она не пьет, иначе не сидела бы так, а напилась. Не знаю, правда, что хуже.

Горячий кофе льется на платье. Звон в ушах утихает. Двое. Мужчина — высокий, немолодой, в сером дорогом костюме. Женщина — смуглая, темноволосая, в синем платье. Его она покупала явно в дорогом бутике, но это не помогло, платье совершенно не идет ей. Неприятная дамочка. Дана морщится от яркого света, который заливает комнату — непрошенные гости раздвинули шторы.

— Кто вы и как сюда попали? Что вам надо? — спрашивает Дана.

— Ну, слава богу, вы нас здорово напугали. — Полковник облегченно вздыхает. — Дана, я не

знаю, помните ли вы, но вы сами нас впустили. Мне очень жаль, что так случилось, пожалуйста, примите мои искренние соболезнования, я...

— Кто вы и что вам нужно от меня?

Полковник останавливается на полуслове и переглядывается со своей спутницей. За расступок сидящей в кресле женщины он сейчас и гроша ломаного не дал бы, но она ему нужна. Он пришел в этот дом с совершенно определенной целью и полон решимости довести дело до конца. Сидящая в кресле хозяйка дома полностью сломлена, поэтому все должно получиться.

— Я вам сейчас объясню. — Женщина в синем достает какие-то бумаги.

«Что меня в ней так раздражает? — Дана недобро щурится. — Не могу понять, но она просто отворачивается. Почему?»

— Кто вы такая? — спрашивает Дана.

— Простите, я думала, вы меня запомнили, но... Извините. — Неприятная дама не привыкла извиняться, поэтому выглядит картонной куклой. — Я адвокат и сейчас представляю интересы своего клиента. Меня зовут Иванова Дарья Андреевна, вот моя визитка.

Белый прямоугольник соскальзывает на ковер и остается там. Дана понимает, что происходит что-то странное, но суть событий ускользает от нее. Впрочем, она несильно напрягается. Она уже все для себя решила. Вот сейчас они уйдут, и тогда можно попробовать исправить ошибку, допущенную судьбой. Она знает способ. Все равно она уже умерла.

— Что вам нужно? Я не собираюсь нанимать вас.

— Я знаю. — Адвокатесса морщится, и это не идет на пользу ее внешности. — Выслушайте меня, пожалуйста. Я действую от имени своего клиента. И уполномочена предложить вам следующее: мой клиент обязуется выплатить вам сумму в миллион долларов — незамедлительно. А вы, со своей стороны, подписываете бумаги, согласно которым отказываетесь от юридических претензий и ходом следствия интересоваться не станете.

— Что вы городите? У меня нет никаких юридических претензий, оставьте меня... о, нет! Вы не можете!..

Дана наконец ясно понимает, зачем эта парочка явилась в ее дом. Ей становится ясно, почему пожилой полицейский полковник неловко чувствует себя в ее гостиной и отводит глаза. И понимание это вырывает ее из состояния ступора.

— Мы изучили ваше досье. — Адвокатесса продолжает свой монолог, не обращая внимания на реакцию Даны. — И мой клиент осознает, каким страшным ударом стало для вас это... прискорбное происшествие. Поэтому сумму он назвал сам. И я думаю, она вполне достаточна, чтобы...

— Вы хотите сказать, что человек, убивший мою малышку, хочет заплатить мне за ее смерть?!

— Госпожа Ярош, не надо усугублять. Я понимаю, что вам трудно понять, но все же постарайтесь для вашего же собственного блага. В обычном порядке вы бы не получили ничего. И знаете почему? Потому что мой клиент — очень влиятельная фигура. Очень. Но он потрясен случившимся настолько, что хочет хоть как-то загладить свою вину. Их уже не вернешь, госпожа